

Ия Прагер (Петерсон) (р. 1931 Печёры)

Отрывок из книги «Воспоминания о
потерянном детстве».

Resolventa, 2008

Дорога

А 14 июня 1941 года вошёл в историю Прибалтики как чёрный день. В этот день пролегла трещина между Эстонией и Россией. С годами она только углублялась: накапливалось «каждое лыко в строку». Об этих днях мне хочется рассказать то, что запомнилось десятилетней девочке.

На рассвете раздался требовательный стук в дверь. Вошли пять человек, один в военной форме. «Собирайтесь!» - «Куда?» Видимо, собираются арестовать - это стандартное требование... За что?! Папа успокаивает: мол, разберутся же, отпустят! Мама, глотая слезы, просит не шуметь, пусть дети спят и не видят, как их отца уводят. «Но их надо тоже будить! Собирайтесь всей семьёй!»

В этот момент мама почувствовала себя почти счастливой. Если всей семьёй вместе - ничего не страшно. Начали собирать нас с семилетним братишкой, одевались родители, бабушка. Пришедшие люди командовали: «Берите постель, немного белья»...

Как только мама пыталась взять что-нибудь особенное, она слышала: «Не надо!» «Негде стелить», «Негде вешать», «Негде шить»... Особенно бабушка потом горевала, что ей не дали взять с собой ручную швейную машинку: бабушка в молодости была белешвейкой, так что машина смогла бы прокормить всю семью.

Лишь один раз мама как бы очнулась. Она хотела взять с собой фотоальбомы. «Нельзя!» - «Нет, я вас слушалась во всём, но фотографии я возьму с собой в любом случае». Полистали альбомы, но взять их разрешили.

Нас вывели на улицу и посадили в открытый кузов грузовика. Там уже находилась семья из соседнего дома. Потом к нам посадили ещё семью. Под охраной повезли за город в сторону железнодорожной станции. Из соседних улиц выезжали грузовики с узлами и перепуганными людьми на них, К вокзалу шли уже целые колонны.

На вокзале, на запасных путях, стоял длинный состав из «теплушек» - «телячьих вагонов», как мы их называли. В середине каждого вагона - широкая тяжёлая дверь-ворота, открывающаяся в сторону на полозьях-рельсах. В закрытом состоянии она запиралась на тяжёлый замок.

По обе стороны от двери - два окна под потолком; высота их приблизительно сорок сантиметров. Но посередине окна, вдоль, они были перехвачены ещё широким металлическим брусом, так что для света от окна оставались только две щели.

Здесь, на вокзале, объявили, что мужчины поедут отдельно. Нас заверили, что в общих вагонах мужчинам и женщинам ехать вместе неудобно, а кроме того, мужчины должны раньше приехать на место, чтобы приготовить жильё для семей. Этому объяснению поверили, так как расставание навсегда казалось таким чудовищным... В результате в ряде семей все вещи оказались у мужчин; у некоторых, наоборот, из общей массы выхватили несколько вещей, чтобы обеспечить отца в дороге.

Мужчин собрали в трёх последних вагонах.

Наши «пассажирские» вагоны внутри выглядели так: двухэтажные грубо сколоченные нары, а в углу в полу отверстие - туалет. В вагоне - несколько десятков человек: женщины, дети, подростки. Мы наш «туалет» занавесили двумя простынями.

«Гуманизм» тюремщиков из Эстонии я оценила намного позднее: семидесятилетняя женщина из Молдавии рассказывала, как двенадцатилетней девочкой в таком же вагоне она корчилась от боли в мочевом пузыре, а её уговаривали сходить в «туалет», который был расположен *в центре* «телячьего» вагона. А она кричала: «Ну как? Как?» И через шестьдесят лет она вся дрожала от воспоминаний о пережитой боли и страшном унижении.

Дети в теплушке сразу же заняли верхние места, чтобы, лёжа на животе, можно было видеть, что делается на улице.

Мы сообщали матерям, что подходят грузовики ещё... и ещё... И везут людей знакомых и незнакомых...

Привезли директора нашей школы. Он жил один и решил, что его просто вызывают в милицию. Вины за собой он не знал. Увидев, что он в лёгком плаще и без вещей, тюремщики смутились. Его увезли назад, и чуть погодя он вернулся с маленьким чемоданчиком. Спасибо и на том!

Два дня простоял скорбный поезд на путях. Всё везли людей... Родные пытались что-нибудь передать отъезжающим. Иногда это удавалось: ведь были люди и среди наших охранников...

Шестнадцатого утром я в последний раз видела отца. Нас, четверых детей, повели с бидончиками к колонке за водой. Это в 40 - 50 метрах от места, где стояли мужские вагоны. Меня узнали, кто-то из знакомых крикнул: «Владимир

Александрович, ваша дочь!» Я впиалась глазами в окно. Если бы не этот выкрик, я навряд ли узнала бы в расчленённом железном брусом лице дорогие мне черты. Он просунул концы пальцев в щель и помахал ими...

А вечером наш поезд тронулся на восток.

Проплывали мимо названия знакомых станций. Не знаю, по чьей инициативе, но все, у кого были с собой эстонские национальные костюмы, надели их. Женщины стояли у окон и плакали. Появились названия российских станций и, главное, изменился внешний вид окружающей местности: ухоженные эстонские поля сменились полями с сорняками, участками необработанными, да и сами населённые пункты показались какими-то заброшенными.

Через несколько дней мы заметили, что нас начали отводить на запасные пути. Навстречу шли эшелоны с войсками.

А потом прозвучало страшное слово «Война!»

На больших станциях в вагон приносили ведро с похлебкой и воду. Но полуголодное существование было не главным: на одной из станций мы обнаружили, что сзади нет мужских вагонов. Защемило сердце...

В углу всё время плакал грудной ребёнок: у его матери от переживаний и недоедания пропало молоко. Мы всем вагоном упрашивали наших тюремщиков купить для него хоть немного коровьего молока.

На одной из станций против нашего вагона остановился вагон встречного поезда. Пожилая проводница спросила: «Кто вы?» - «Нас называют спецпереселенцами. А что это такое?» Женщина глянула на детишек с жалостью. На глаза её навернулись слёзы. Она отвернулась и ничего не ответила.

О том, кто мы и что нас ожидает, она знала гораздо больше, чем мы сами.

Прошло больше двух недель.

За всё время следования поезда нас не выпускали из вагонов. При длительных остановках приоткрывали двери вагонов, чтобы хоть немного проветрить помещение. В этих случаях у каждого вагона дежурило по несколько охранников.

Впервые мы ступили на твёрдую землю в середине июля, на станции Каргат в Новосибирской области. Здесь и сейчас стоят два очень крупных складских помещения. Стены без окон... Земляной пол... Стропила крыши и сама крыша на большой высоте... Широкие двери на полозьях...

Здесь на своих узлах и чемоданах мы прожили несколько дней.

Здесь нас превратили в людей без прав. Группа работников НКВД переписала семьи, отобрала все документы и заставила взрослых подписать

обязательства о невыезде с места поселения.

А затем каждая семья получила отдельное направление в одну из дальних деревень. Горько было прощаться с товарищами по несчастью, с которыми успели сдружиться в тяжёлой дороге. Со многими к тому же мы были близко знакомы ещё в Печёрах.

Понурая лошадёнка везла нас в деревушку, навстречу непонятному будущему. Главное ощущение от этой дороги - чувство усталости и невероятное желание спать...

Но на телеге, кроме нас четверых и наших вещей, были ещё возница и охранник, так что было не до сна.

Приехали на рассвете. Когда мы утром вышли на улицу - мы ощутили шок! Школа, где мы спали, была окружена толпой людей. Им было интересно узнать, каковы мы - «буржуи». А мы во все глаза смотрели на детей. Большинство детей до 8 - 10 лет были одеты в стёганные телогрейки на голое тело. Телогрейки взрослые, все в заплатках и дырах, у малышей они закрывали ноги почти до щиколоток, у старших - еле прикрывали тело. Не удивительно, что нас, в нашей детской одежде по росту, воспринимали как инопланетян.

Ради справедливости должна сказать, что *такой* нищеты мы нигде больше не видели.

Неужели здесь придётся долго жить?!

Но высокое начальство решило, что нас, *матёрых врагов* (женщин, стариков, детей), опасно держать так близко от железной дороги. Вечером пришёл новый приказ. Нас опять погрузили на телегу, и к утру мы все вернулись в Каргат.

Делились впечатлениями об увиденном. Жителей сельской Эстонии потряс вид колхозных полей. Они, привыкшие ценить каждый клочок своей глинистой и каменистой земли, быть может впервые увидели настоящий чернозём. Они сжимали его в ладонях, гладили...

Но почему на этих полях растёт лебеда в человеческий рост? Как это допускают хозяева?

Через день нас снова затолкали в «телячьи вагоны», и мы поехали в сторону Новосибирска.

Здесь меня ожидало первое разочарование в людях. Ведь я, в свои десять лет, многое из того, что случилось в Печёрах, не поняла по-настоящему. Просто запечатлелись картины происшедшего. Осмысление всего того пришло гораздо позднее.

Так вот, массу спецпереселенцев из разных республик согнали вместе в здании порта. Теснота, давка. Рядом оказалась незнакомая семья с бабушкой

и внучкой. Они всё время жались к окну, где на подоконнике лежали некоторые наши вещи. Они ушли и унесли с собой мою куколку. Это была последняя кукла в моей жизни. Но меня потрясла не сама потеря. За время дороги в вагоне сложились очень доверительные отношения между людьми. Все старались утешить друг друга и помочь, чем можно.

Я не могла понять, как можно в такие горькие часы жизни наносить своим товарищам по несчастью ещё дополнительные неприятности...

Но здесь мне хочется поблагодарить судьбу за то, что мне в жизни встречалось много хороших людей. За всё время мытарств были рядом со мной и голодные и «голые и босые», но остававшиеся порядочными в любых условиях, в самые трудные дни войны и ссылки. Я не помню случая, чтобы наши, порой доведённые до отчаяния, товарищи из Эстонии пытались обобщать друг друга.

Нас погрузили на пароход, и он повез нас вниз по течению Оби, кажется до Александровского. На каждой остановке слышалось: «Первый вагон - на выход» (выгружали группами, с кем ехали в вагонах из Эстонии). На следующей остановке снова: «Второй вагон - выгружайся». Но и в Александровском пароход всё ещё был полон несчастными. Повернули назад, и снова на остановках: «Седьмой вагон, десятый вагон...» и т.д.

Нас перегрузили в Каргаске на баржу и повезли вверх по Васюгану, притоку Оби.